

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 195–219.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 4. P. 195–219.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-195-219

«ИГРИВЕНЬКИЕ СЮЖЕТЦЫ» «РУССКОГО ИНВАЛИДА» В ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Игорь Александрович Кравчук
Независимый исследователь,
Россия, uznik.krawchuk@yandex.ru

 Аннотация. В статье дается развернутый историко-литературный комментарий к одному из мест в записной тетради Ф. М. Достоевского 1866 года. Большинство записей в тетради имеет отношение к работе писателя над романами «Преступление и наказание» и «Идиот», некоторые фрагменты не имеют прямого отношения к этим замыслам. В анализируемой записи Достоевский упоминает некую статью из газеты «Русский инвалид», посвященную Австрии. В статье высказывается и аргументируется предположение, согласно которому речь идет об одном из множества материалов, посвященных русинам и дискуссии об их насильственной полонизации.

© Кравчук И. А., 2024

Ключевые слова: Достоевский, Австрия, русины, записные тетради, «Преступление и наказание», «Русский инвалид», Кельсиев, «Эпоха», Страхов

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00710. URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00710/> (дата обращения: 18.11.2024). ИРЛИ РАН.

Ссылка для цитирования: *Кравчук И. А.* «Игривенькие сюжетцы» «Русского инвалида» в записной тетради Ф. М. Достоевского // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2024. Т. 7, № 4. С. 195–219. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-195-219.

Memory of Culture

“PLAYFUL PLOTS” OF “THE RUSSIAN INVALID” IN F. M. DOSTOEVSKY’S NOTEBOOK

Igor A. Kravchuk

Independent researcher, Russia,
uznik.krawchuk@yandex.ru

Abstract. The article gives a detailed historical and literary commentary on one of the places in F. M. Dostoevsky’s notebook of 1866. Most of the notes in the notebook are related to the writer’s work on the novels “Crime and Punishment” and “The Idiot”, however, some fragments are not directly related to these plans. In the analyzed entry, Dostoevsky mentions a certain article from the newspaper “The Russian Invalid” devoted to Austria. The article expresses and argues the assumption according to which it is one of many materials devoted to Ruthenians and attempts of their forced polonization.

Keywords: Dostoevsky, Austria, Ruthenians, notebooks, “Crime and Punishment”, “The Russian Invalid”, Kelsiyev, “Epokha”, Strakhov

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00710. Available at: <https://rscf.ru/project/24-18-00710/> (Accessed: 18 November 2024). IRLI RAS.

For citation: Kravchuk, I. A. (2024) “‘Playful Plots’ of ‘The Russian Invalid’ in F. M. Dostoevsky’s Notebook”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 195–219. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-195-219.

Подготовительные материалы Ф. М. Достоевского к роману «Преступление и наказание» распределены по трем записным тетрадям 1865–1866 годов, не считая наборной рукописи, от которой до нас, увы, дошел лишь небольшой фрагмент [Достоевский, 2013–... , т. 7, с. 451]. Первый публикатор тетрадей И. И. Гливенко обращал внимание на специфику этого источника:

Это действительно «з а п и с н ы е к н и ж к и», а не только рукописные материалы постепенно создающихся художественных произведений Ф. М. Достоевского. И как таковые они необычайно пестры по своему содержанию. Почти в каждой из них мы найдем много такого, что не имеет прямого отношения к его художественной деятельности, а иногда не только прямого, но и косвенного. Так, наряду с набросками и отрывками какого-нибудь произведения, можно встретить несколько страниц с расчетами стоимости какого-нибудь издания, в другом месте запись неотложных платежей, в третьем — какой-нибудь адрес, или какую-нибудь заметку для памяти, и т. д., причем все это разбросано по всей тетради.

[Гливенко, 1931, с. 6]

К этому нужно прибавить, что третья тетрадь включает в себя и наброски к роману «Идиот», относящиеся к 1867 году.

В силу этих особенностей тетради Достоевского десятилетиями служили предметом напряженного интереса и источником разногласий. Записи далеко не всегда велись последовательно, а датировкой снабжались в исключительных случаях, причем даже датировки могли трактоваться по-разному. К примеру, по мнению Гливенко, Достоевский начал заполнение тетрадей осенью 1865 года и завершил его в феврале 1866-го [Гливенко, 1931, с. 4–5]. Основанием для такой гипотезы стала дата 13 ноября, проставленная писателем ближе к концу третьей тетради. Гливенко считал, что отсчитывать ее нужно не от начала 1866 года, а от сентября 1865-го — именно тогда Достоевский сообщал в письме к М. Н. Каткову, что вот уже два месяца пишет «повесть», «психологический отчет одного преступления» [Достоевский, 1972–1990, т. XX-VIII, кн. 2, с. 136]. Однако уже в 1934 году это предположение было отвергнуто

В. Л. Комаровичем [Комарович, 1934, с. 265, 281]. В настоящее время принято считать, что работа над ранними редакциями романа велась в период с декабря 1865-го по декабрь 1866 года [Достоевский, 2013–... , т. 7, с. 451]. Что касается третьей книжки, то она почти целиком относится именно к 1866 году. Это в первую очередь подтверждается крайними датами, отмеченными Достоевским: 2 января и 13 ноября. Л. Д. Опульская писала: «Третья записная книжка — единственная (из относящихся к “Преступлению и наказанию”), где можно предполагать, что последовательность страниц совпадает с хронологией записей» [Опульская, 1970, с. 701].

Конечно, научная полемика велась далеко не только и не столько вокруг крайних дат, сколько вокруг взаимосвязи фрагментов и принципов их публикации. Первоначальный план И. И. Гливенко, состоявший в простой постраничной расшифровке каждой тетради, казался наиболее корректным из возможных¹, но в дальнейшем вызвал серьезные возражения [Комарович, 1934, с. 261–262; Розенблюм, 1981, с. 8–9]. Альтернативой постраничной расшифровке стали историко-литературные реконструкции, в которых, не отступая от первоисточника, литературоведы стремились максимально полно и обоснованно воссоздать хронологическую последовательность записей, ход авторской мысли, иными словами, формирование писательского замысла. Такими реконструкциями стали публикации 1970 года в серии «Литературные памятники», 1973 года в [Достоевский, 1972–1990] и 2019 года в [Достоевский, 2013–...]. К нынешнему времени эти реконструкции могут считаться безусловной научной классикой. Впрочем, возможен и еще один подход: он был продемонстрирован группой исследователей во главе с К. А. Барштом. По мысли Баршта, вся совокупность графики в тетрадях Достоевского, включая рисунки и каллиграфические прописи, образует «в тесном смысловом взаимодействии нерасчленимое семантическое единство» [Баршт, 2021, с. 6]. Решением сформулированной проблемы стала подготовка дипломатической транскрипции тетрадей: факсимильных копий со слоем распознанного текста, которые позволяют ознакомиться с архивными материалами Достоевского *de visu*.

В то время как общие принципы публикации тетрадей остаются предметом методологической полемики, историко-литературный комментарий к ним, как кажется, не должен содержать существенных пробелов и трудных мест. В самом деле, за десятилетия изучения тетрадей учеными в этом направлении была проделана колоссальная работа. И все же по сей день рукописи

¹ См., например, положительную оценку этого подхода, данную в 1939 году Г. И. Чулковым [Чулков, 2024, с. 79].

Достоевского продолжают дарить нас загадками. Одной из таких загадок остается запись, сделанная на странице 150 третьей записной книжки: «Инвалид. Статья об Австрии (игривенькие сюжетцы)»² [Достоевский, 2013–... , т. 7, с. 260]. В расшифровке [Достоевский, 1972–1990] последнее предложение прочитывается чуть иначе: «Статья об Австрии (игривенький сюжетец)» [Достоевский, 1972–1990, т. VII, с. 205]. В комментарии к 35-томному собранию сочинений поясняется лишь, что здесь имеется в виду газета «Русский инвалид». Замечание это справедливое, но явно недостаточное. О какой статье идет речь? Какие «игривенькие сюжетцы» привлекли внимание Достоевского? Попробуем осветить этот вопрос.

В лексиконе Достоевского достаточно распространена идиоглосса «игривый», представленная в двух значениях: «Легкомысленно-веселый, шутливый, непринужденно-шаловливый; такой, который может позабавить, развлечь»; «неприличный, скабресный, двусмысленный, нескромный» [Цыб, 2012, с. 16]. Обратим внимание, что оба значения подчас совмещаются, а эпитет приобретает иронические коннотации. Возьмем пример из более позднего текста Достоевского — романа «Братья Карамазовы» (1878–1880). В четвертой части повествователь пересказывает статью из вымышленной газеты «Слухи», посвященную делу Мити Карамазова. Статья, по сути, представляла собой оскорбительную сплетню о Мите и госпоже Хохлаковой. Достоевский подчеркивает контраст между домыслами газетчиков и их резонерским пафосом: «Игривая корреспонденция эта, как и следует, заканчивалась благородным негодованием насчет безнравственности отцеубийства и бывшего крепостного права» [Достоевский, 1972–1990, т. XV, с. 15]. Слова «игривый» и «игривость» занимают важное место и в лексическом строе романа «Преступление и наказание». Излагая свою теорию Порфирию Петровичу, Раскольников с презрительной насмешкой говорит о людях обыкновенных, ошибочно полагающих себя незаурядными и передовыми, способными на послушание. По выражению Родиона Романовича, движет такими людьми «некоторая игривость природы, в которой не отказано даже корове» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 225]. Мечтая жениться на Дуне и подчинить ее себе, Лужин создает в своем воображении множество картин «на эту соблазнительную и игривую тему» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 263]. В другом месте уже Порфирий Петрович говорит, что самый безупречный лжец выдает свою причастность к преступлению, «увлекаясь игривостью своего остроумия» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 296]. Используя свои наблюдения на практике, Порфирий сам начинает обращаться с Раскольниковым

² РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5. Л. 150.

чересчур игриво и с явной издевкой восхищается его «игривым умом» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 302, 306], лишая Родиона Романовича остатков самообладания. В одной из сцен Раскольников утомляет навязчивая и развязная шутливость Разумихина: его рассказ о «восстановлении в костюме» именуется «напряженно-игривой реляцией» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 113].

Прилагательное «игривенький» употреблено в романе один раз, но в чрезвычайно важной сцене. Обсуждая с Раскольниковым его статью, Порфирий высказывает одну свою «идейку». Услышав ее, Раскольников приходит к безошибочному выводу: его подозревают в убийстве Алены Ивановны и Лизаветы.

Ведь вот-с... право, не знаю, как бы удачнее выразиться... идея-то уж слишком игривенькая... психологическая-с... Ведь вот-с, когда вы вашу статейку-то сочиняли, — ведь уж быть того не может, хе-хе! чтобы вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, — тоже человеком «необыкновенным» и говорящим *новое слово*, — в вашем то есть смысле-с... Ведь так-с? (...) А коль так-с, то неужели вы бы сами решились — ну там ввиду житейских каких-нибудь неудач и стеснений или для споспешествования как-нибудь всему человечеству — перешагнуть через препятствие-то?.. Ну, например, убить и ограбить?..

[Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 227]

Таким образом, стилистически маркированный эпитет возникает в момент завязки психологического и интеллектуального поединка двух героев. Ироническая дистанция, создаваемая интонацией и лексикой Порфирия Петровича, характеризует его профессиональный стиль, излюбленные приемы. Подобная риторика напоминает замах перед сильным ударом или осторожные движения кошки перед броском в сторону жертвы. В третьей тетради эпитет «игривенький» встречается еще раз. В черновике финала Достоевский вкладывает в уста Свидригайлова такие реплики: «Застрелитесь, не с вашим характером оставаться в живых, вам 2 пути (<:) или сознаться, или застрелиться. Эй, игривенькие признаки... Не заняты мы... Белоручки, *en grand*³» [Достоевский, 2013–... , т. 7, с. 259]. Очевидно, этот отрывок — конспект трех сцен с участием Свидригайлова из окончательной версии романа, фактически пунктирный портрет персонажа. О выборе между явкой с повинной и самоубийством в романе Свидригайлов говорит не Раскольникову лично, а Сонечке: «У Родиона Романовича две дороги: или пуля в лоб, или по Владимирке» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 432]. Слово «белоручки», в свою очередь, отсылает

³ В общем (*фр.*).

нас к сцене объяснения Свидригайлова с Авдотьей Раскольниковой. Аркадий Иванович подробно разъясняет Дуне теорию, изобретенную ее братом, правда, толкует ее на свой манер. «Оно тоже, конечно, обидно для молодого человека с достоинствами и с самолюбием непомерным знать, что были бы, например, всего только тысячи три, и вся карьера, всё будущее в его жизненной цели формируется иначе, а между тем нет этих трех тысяч» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 424]. Когда Дуня слышит, что ее брат совершает убийство в соответствии с теорией, порожденной бедностью и растравленным самолюбием, то поначалу отказывается в это верить: «А угрызение совести? Вы отрицаете в нем, стало быть, всякое нравственное чувство? Да разве он таков?» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 425]. На это Свидригайлов дает понять, что нравственное чувство в русском человеке может отступать под действием широты его натуры. Широта в этом контексте — не столько разносторонность или даже противоречивость, сколько нехватка исторической и культурной почвы под ногами, национальной и общественной сверхзадачи. Пребывание в историческом и социальном вакууме порождает тягу к абстракциям и крайностям, помноженную на нравственный релятивизм. На этом основании Свидригайлов заявляет об определенном духовном родстве с Раскольниковым. Его фразу «Сам я белоручка...» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 425], по всей видимости, и следует понимать в духе формулировки из черновика. Между этими двумя характеристиками оказывается словосочетание «игривенькие признаки». Раскрыть его смысл тоже несложно. Незадолго до своего самоубийства Свидригайлов думает: «Странно и смешно: ни к кому я никогда не имел большой ненависти, даже мстить никогда особенно не желал, а ведь это дурной признак, дурной признак! Спорить тоже не любил и не горячился — тоже дурной признак!» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 437]. В окончательной версии повествования Достоевский меняет эпитет «игривенький» на «дурной», снимая ироническое самоотстранение героя: накануне ужасного финала жизни Свидригайлову не до намеков и околичностей.

Как видим, слова «игривый» и «игривенький» занимают особое положение как в тексте романа, так и в набросках к нему. Внимательный читатель «Преступления и наказания» на этом месте мог бы оборвать наш анализ, указав на еще одно вхождение прилагательного «игривый», причем в едином контексте с Австрией. Раскидывая сети вокруг Раскольникова, Порфирий Петрович использует следующую историческую аналогию:

...вы, батюшка, Родион Романович, уж извините меня, старика, человек еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум человеческий цените, по примеру всей молодежи. Игривая острота ума и отвлеченные

доводы рассудка вас соблазняют-с. И это точь-в-точь, как прежний австрийский гофкригсрат, например, насколько то есть я могу судить о военных событиях: на бумаге-то они и Наполеона разбили и в полон взяли, и уж как там, у себя в кабинете, всё остроумнейшим образом рассчитали и подвели, а смотришь, генерал-то Мак и сдаётся со всей своей армией, хе-хе-хе!

[Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 295]

Хорошо известно, какое именно историческое событие имел в виду Порфирий Петрович. 19 октября 1805 года австрийский фельдмаршал-лейтенант (звание, приблизительно соответствующее современному званию генерал-лейтенанта) барон Карл Мак фон Лейберих капитулировал перед войсками Наполеона в осажденной крепости Ульм. Вместе с ним сдалась и огромная армия, открыв французам дорогу на Вену. Ульмская катастрофа осталась одной из самых позорных страниц в военной истории Австрии. За свое поведение Мак был лишен чинов и наград. Принято считать, что об этом историческом событии Достоевскому напомнил роман Л. Н. Толстого «Война и мир», публиковавшийся в журнале «Русский вестник» параллельно с «Преступлением и наказанием» (см. также: [Тихомиров, 2005, с. 305–306]). Эпизод, где описывается жребий генерала Мака, помещен в февральской книжке журнала за 1866 год. Что же касается «Русского инвалида», то действительно в № 225 за 3 (15) сентября 1866 года там была помещена заметка с пересказом публикации из британской газеты “Times”. Формально статья была приурочена к обмену военнопленными между Австрией и Пруссией по итогам Австро-пруско-итальянской войны, но касалась более фундаментальных вопросов. В тексте выяснялись причины поражения Австрии, хронические пороки австрийской армии и причины большого количества австрийских военнослужащих, попадающих в плен. Британский автор вспомнил и «штуку, какую ухитрился проделать генерал Макк, занимавший с 40-тысячной армией почти неприступную крепость. В военной истории не встречается примера капитуляции более постыдной, чем капитуляция Макка...» [Иностранные известия, 1866, с. 2]. Кажется, этот случай должен свидетельствовать о низких моральных качествах австрийских военных. Однако, замечает “Times”, в таких известных сражениях, как битва при Мадженте (1859), при Сольферино (1859) и при Кёниггреце (1866), имперская армия билась достойно. Несмотря на это, все указанные сражения были Австрией проиграны, приведя к большим потерям в виде убитых, раненых и пленных. Следовательно, бедствия австрийской армии объясняются не малодушием, а плохой организацией, отразившей в себе хаос империи Габсбургов. В этой связи британская газета выражала надежду на то, что Австрии

удастся провести реорганизацию армии и внутренней политики, а в дипломатических отношениях стать более миролюбивой державой [Иностранное известие, 1866, с. 2–3].

Такой комментарий можно было бы считать необходимым и достаточным: тематически и хронологически реферат статьи из “Times” довольно точно соотносится с записью Достоевского. Вместе с тем ряд соображений не позволяет ограничиться этой версией. Во-первых, поражение Австрии в войне, предопределившее возвышение Пруссии и объединение Германии под эгидой Бисмарка, обсуждалось во множестве публикаций. Еще более обсуждаемой темой было грядущее преобразование Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию и предоставление более широкой автономии многочисленным народам, населявшим это европейское государство. На этом фоне статья из “Times”, а тем более ее пересказ в «Русском инвалиде» выглядели довольно дюжинными публикациями, обреченными затеряться в потоке похожих газетных рассуждений. Во-вторых, экскурс в историю австрийской армии не содержал в себе ничего, что Достоевский мог бы обозначить выражением «игривенький сюжетец» или напрямую связать с риторикой Порфирия Петровича. Заметка «Русского инвалида» оканчивается пересказом слухов о реванше, который якобы готовили император Австрии Франц Иосиф и эрцгерцог Альбрехт: будто бы они намеревались в союзе с Францией усилить свой флот в Адриатическом море и провести кампанию на Дунае с целью ослабить влияние Пруссии. Но, опять же, подобные слухи возникали часто и при отсутствии доказательств не составляли сенсации. Стоит обратить внимание: фраза «Статья об Австрии» на странице 150 записывается дважды. Это также подтверждает, что публикация, отмеченная Достоевским, скорее всего, не была проходной.

Если эта версия с заметкой об австрийской армии, мягко говоря, не выглядит бесспорной, о каком же тексте может идти речь? Ответить на такой вопрос со всей определенностью будет сложно. Следует учитывать неизменный интерес Достоевского к актуальной прессе, его память на достаточно давние публикации и глубокую осведомленность в вопросах международной политики. Приведем пример из воспоминаний Н. Н. Фон-Фохта:

Однажды Федор Михайлович отправился в Москву пешком и для компании пригласил меня с собой. Во всю дорогу он рассказывал о последних политических событиях, весь интерес которых в то время сосредоточивался на австро-прусской войне. Я, конечно, мало понимал в политике, но, читая ежедневно газеты, очень интересовался военными успехами Пруссии. (...) От него

я узнал о Бисмарке, Наполеоне III, Франце-Иосифе и других вершителях судеб Европы. Он был очень внимателен и терпелив к задаваемым мною вопросам и с полной обстоятельностью старался мне все разъяснить, чего я, по своему юношеству, не понимал. В такой беседе мы дошли до Рогожской заставы.

[Фон-Фохт, 1990, с. 56–57]

Прежде всего, оценим степень интереса Достоевского к Австрии. Относительно недавно этот вопрос был затронут в коллективной монографии М. В. Подрезовым. Он пишет, что высказывания Достоевского об Австрии и Австро-Венгрии можно разбить на пять главных рубрик.

...канцлер Клеменс фон Меттерних и его политика как репрезентация сущности Австрии; Австрия как «младший брат» Пруссии, а впоследствии — Германской империи; Австрия, противостоящая, с одной стороны, Германии, с другой — России; Австрия в качестве «помощника» и «покровителя» / «коварного завоевателя» южных славян; Австрия, находящаяся в «самом выгодном геополитическом положении», или конец «лоскутной империи»?

[Подрезов, 2021, с. 121]

Исследователь суммирует свой обзор так:

Безусловно, писатель оценивал Австрийскую империю в первую очередь по отношению к России (...). В этих рамках очевидно, что Австрия для России — это враг как с геополитической (борьба за один и тот же регион влияния), так и с идейной (столкновение православия и католичества) точек зрения. (...) Достоевский констатирует принятие роли «младшего брата» Австрией с середины 1860-х гг. по отношению к резко усилившейся Пруссии. Он скептичен по поводу прочности их союза (...). В целом Достоевский относился к Австрии преимущественно предвзято и негативно как к стране расчетливой и коварной. Достоевский также прогнозирует будущность Австро-Венгрии на геополитической карте мира. Согласно его представлениям Австрия — один из «главных кандидатов» на исчезновение (после Турции).

[Подрезов, 2021, с. 125–126]

Ценным источником суждений Достоевского об Австрии и российско-австрийских взаимоотношениях оказывается записная тетрадь 1864–1865 годов. В ней писатель предрекает раздел Турции между Россией, Францией и Англией, «а этот раздел поставит нас во вражду с Австрией» [Достоевский, 1972–1990,

т. XX, с. 189]. Интуиция говорила писателю, что такой сценарий будет реализован в течение ближайших 30–40 лет. Здесь же читаем: «Прежнее построение Европы искусственно-политическое всё более и более падает перед стремлением к национальным народным построениям и обособлениям (представительница этого построения — Австрия)» [Достоевский, 1972–1990, т. XX, с. 191]. Конфликты, сотрясавшие Европу, во многом служили Достоевскому важной отправной точкой в его философской и политической программе: «Построиться иначе — может быть, главная задача 19-го века» [Достоевский, 1972–1990, т. XX, с. 191]. В противовес старым западным державам России суждено доказать неотъемлемое право каждого народа на развитие собственной, уникальной идеи, на культурную и духовную самостоятельность, возможность внести свой неповторимый вклад в здание всемирной гармонии. Много позже эта мысль будет развита в «Дневнике писателя» за 1877 год, где резко противопоставлялись друг другу захватнические устремления Австро-Венгрии, мечтающей о разделе славянских земель Турции в свою пользу, и бескорыстие России, идущей освободить славян из-под османского гнета ради них самих, ради торжества их «свободы и самостоятельности» [Достоевский, 1972–1990, т. XXV, с. 100]. Можно сказать, что в политическом воображении Достоевского Россия и Австрия оказываются до некоторой степени идеальными антиподами: в то время как последняя находится в фазе распада, скрепляемая лишь корыстью и произволом, первая воплощает собой концепцию «национализации империй», где верховная власть и народная масса образуют прочное гармоническое единство. В Австрии государство и воля народов друг другу противостоят, в России — стремятся друг другу навстречу.

Отсюда понятен неослабевающий интерес Достоевского к проблемам Австрии. В 1866 году эта страна терпит поражение от бисмарковской Пруссии и навсегда утрачивает первенство в деле объединения германских земель. В целом на протяжении всех 1860-х годов держава Габсбургов претерпевает мучительный процесс внутреннего реформирования в движении к хрестоматийному образу «лоскутной империи»: Франц Иосиф идет на уступки национальным движениям в Венгрии и на Балканах, затем, пользуясь моментом, проводит реакционный курс, затем, под влиянием очередного военного поражения, вновь возвращается к реформам. Венское правительство находится в постоянном общении с венгерским, галицийским, хорватским и другими сеймами, пытаясь выработать оптимальную формулу раздела полномочий. Итогом этой напряженной работы станет австро-венгерское соглашение, заключенное 15 марта 1867 года, а в 1866 году вся Европа следит за судьбой Австрии, пытаясь предугадать, выживет ли австрийское государство под натиском на-

циональных партий. Отдельную интригу составляет участь Мексиканской империи — подконтрольного Франции режима, управлявшегося младшим братом Франца Иосифа Максимилианом Габсбургом.

Искать интересующую нас статью логичнее всего в номерах «Русского инвалида» за 1866 год, отдавая предпочтение не кратким сообщениям о международных происшествиях, а большим проблемным статьям или развернутым фрагментам неофициальных хроник. Работая над этой статьей, мы изучили всю годовую подшивку газеты, выделив несколько основных тем, связанных с Австрией. Естественно, печатный орган Военного министерства не мог пройти мимо всего, что прямо или косвенно было связано с событиями Австро-прусской войны, начиная с дипломатических стычек Берлина и Вены и заканчивая послевоенными договоренностями коалиций. Значительная часть текстов была отведена работе сеймов, правительственным назначениям и реформам. Некоторые публикации касались перспектив политического возрождения Австрии после поражения, в частности той роли, которую Вена способна сыграть в урегулировании восточного вопроса (взаимоотношений Стамбула и южнославянских народов). Небольшой, но яркий сюжет образуют публикации об инсценированном покушении на императора Франца Иосифа в Праге. Главной же «австрийской» темой «Инвалида» становится противостояние польских и русинских политиков в Галиции, борьба русинов за языковую и культурную автономию, натянутые отношения между русинскими крестьянами, центральным австрийским правительством, мятежной шляхтой и польской революционной эмиграцией. Австрийская тема неразрывно связана с темой польской, ничуть не меньше занимавшей ум и творческое сознание Достоевского⁴.

Какая из этих тем могла увлечь писателя? Вероятной подсказкой являются частично зачеркнутые библиографические выписки, оставленные Достоевским в той же тетради на странице 148. Приведем их полностью:

Голос 260, 261, 262

Отеч(ественные) зап(иски) № 3

Современник № 3, 4, 5

Русское слово

Русское слово № 7, 8

Русский вестник № 7

[РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5. Л. 148]

⁴ На эту тему см., например: [Углик, 2011; Подрезов, 2019].

Слева на полях проставлены даты: 23 сентября, 6 октября, 10 ноября. Установить их связь с процитированными библиографическими выписками еще предстоит. Однако некоторые вещи можно утверждать довольно уверенно. В номерах 260 (20 сентября), 261 (21 сентября) и 262 (22 сентября) газеты «Голос» публиковались путевые очерки «Путешествие по Галиции», подписанные псевдонимом И.-Ж. Это сокращенный вариант псевдонима Иванов-Желудков, принадлежавшего В. И. Кельсиеву (1835–1872) — известному революционеру, этнографу и журналисту. Сподвижник Герцена, многолетний политический эмигрант, Кельсиев пытался привлечь на сторону радикального движения старообрядцев и различные раскольничьи толки, глубоко и всесторонне изучал быт и верования религиозных сектантов, жил среди казаков-некрасовцев, пытался устраивать русскую коммуну на территории Османской империи. Увлекающийся энтузиаст, Кельсиев, испытав череду разочарований и пережив страшную личную трагедию (в течение непродолжительного времени ему пришлось похоронить родного брата, детей и жену), переосмысливает прежние политические убеждения и возвращается в Россию. Оказавшись в тюрьме, он письменно отрекается от своих взглядов, после чего получает полное прощение от императора Александра II и восстановление в правах. Впоследствии он становится публицистом панславистского толка. Хорошо известно, что личность и судьба Кельсиева глубоко впечатлили Достоевского: неслучайно его считают одним из прототипов Шатова в «Бесах» (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. XII, с. 232–233]).

Очерки о Галиции интересны в двух отношениях. Во-первых, они откликаются на одну из самых обсуждаемых в российской печати тем, связанных с Австрией. Во-вторых, по времени создания они относятся не к периоду деятельного раскаяния Кельсиева, а к переходной фазе в его биографии: в 1866 году он еще не возвращался в Россию и официально не порывал с прежним окружением. Помещение очерков под псевдонимом было мотивировано нежеланием обнаруживать свое авторство перед Герценом, который, вопреки этим усилиям, узнал автора и уже сам прекратил с ним общаться. В этих статьях Кельсиев уже развивает свою новую политическую программу: он доказывает, что русины и русские связаны глубоким духовным, культурным и языковым родством, подчеркивает социальный антагонизм русских мужиков и польских панов, бездуховность местных католиков, описывает поляков и евреев как главную угрозу безответным русским крестьянам. Приведем характерный пример риторики и наблюдений Кельсиева. Вот, скажем, что пишет он о театре «Русская беседа», созданном во Львове супругами Бачинскими:

Пуст театр еще никогда не бывал — так он народен. Русские дорожат им как своим созданием, как доказательством, что их народность не умерла. (...) в польских труппах царствует раздор, актрисы не пользуются доброю славою — у русских все живет душа в душу, а на женской половине их труппы ни одного пятна. Причина опять та же: русские актеры уважают себя, потому что они служители русского дела, а не гаеры. Поляки поняли это значение театра, но объясняют его по-своему: они кричат, что все это московская пропаганда и что театр держится только московскими деньгами. Удивительно наивный народ!..

[И. Ж., 1866, с. 2]

Возвращаясь к проставленной Достоевским дате 23 сентября, нужно заметить, что и в этот день газета «Голос» печатает очерк Кельсиева, правда, под измененным заглавием: не «Путешествие по Галиции», а «Путешествие по Галичине». Как и в прочих частях, Кельсиев подмечает угнетение православного русского крестьянства поляками, обреченность политического проекта Речи Посполитой. В № 7 «Русского вестника» за 1866 год была опубликована еще одна дорожная корреспонденция Иванова-Желудкова, посвященная на сей раз быту словаков [Иванов-Желудков, 1866]. В этом же номере катковского журнала публиковались очередные части «Преступления и наказания».

В № 3 «Отечественных записок» Достоевского, по всей вероятности, могла заинтересовать статья Н. И. Соловьева «Язык как основа национальности». Н. И. Соловьев (1831–1874) был близким знакомым Достоевского, сотрудником журнала «Эпоха» и воодушевленным адептом почвенничества. Статья представляет собой популярное изложение идей выдающегося лингвиста того времени Фридриха Макса Мюллера (у Соловьева — Миллера). Отталкиваясь от данных научной лингвистики, Соловьев развивает собственные взгляды, доказывая глубинную связь между родным языком и национальной психологией. Как ортодоксальный почвенник, Соловьев с равным энтузиазмом критикует и космополитов, отрицающих врожденную самобытность народов (здесь автор бросает перчатку А. Н. Пыпину), так и славянофилов с их симпатиями к панславизму, утопией единого славянского мира. Сокровенной для Соловьева остается идея самопознания народа посредством языка и самопознания личности путем глубокого и осознанного погружения в родную языковую среду. Неслучайны темпераментные нападки публициста на иноязычные русской аристократии, распространившееся в XVIII веке:

Посредством французского языка у нас как бы отгораживается целый обширный класс общества, который, вследствие своей обеспеченности и без труда и без

нужды достающегося образования, мог бы быть очень полезен своей стране; и мы не сделаем большой натяжки, если скажем, что у нас есть много, очень много природных соотечественников, которых нельзя назвать вполне русскими. Они говорят по-французски, читают по-немецки, поют по-итальянски, воспитывают детей Бог знает по-каковски, а путешествуют не как англичане, в своей родной шкуре, а маскируются обыкновенно в разные национальности, смотря по месту.

[Соловьев, 1866, с. 148]

Соловьев подчеркивает, что в современной России каждая социальная группа имеет свое «наречие», в результате чего общество остается раздробленным. Отрыв от языковой стихии ведет к обеднению литературы, возникновению блеклого и невыразительного языка образованных космополитов, лишенных таланта и неспособных произвести ни одной собственной идеи, ничего, что не было бы отмечено печатью вечного ученичества. С другой стороны, именно в языке общество получает шанс преодолеть накопленные классовые противоречия.

К темам, поднятым в статьях Кельсиева и Соловьева, примыкает работа «Бунты на Руси» собирателя фольклора П. И. Якушкина (1822–1872), опубликованная в мартовской книжке «Современника» за 1866 год. Зажиточный и образованный дворянин, Якушкин стал культурным героем своей эпохи, ведя страннический образ жизни, подражая речи, одежде и манерам крестьян, собирая богатый этнографический материал. Статья открывается тезисом: «...мы очень любим народ, только не хотим изучать его нужд, а, сидя в кабинете, сочиняем его истинные потребности; народ, в свою очередь, не понимая наших гуманных начал, смотрит на нас недоверчиво. (...) В особенности народ туго верит во все улучшения, придуманные образованными людьми» [Якушкин, 1866, с. 73]. Большая часть статьи составлена Якушкиным из трагикомических анекдотов, когда взаимное непонимание помещиков, чиновников и крестьян приводило к волнениям, напрасным обвинениям мужиков в желании «бунтовать», ненужным расправам. Так, в одной из деревень Курской губернии мужики хотят быть «западными однодворцами» и с этой целью устраивают сходку. Чтобы их успокоить, им объясняют, что «западными однодворцами» называют тех, кому царь отказывает в «привилегированном» звании государственных крестьян. В другом месте чиновник, желая узнать «дух народа», приходит в деревню, представляется поляком и сообщает о своем желании бунтовать против государя. Его избивают. Тогда чиновник забывает о своей легенде и угрожает крестьянам неприятностями за нападение на государственного служащего. Крестьяне считают его самозванцем и арестовывают. В городе чиновник доносит на крестьян, что те затеяли бунт.

Не совсем ясно, какие именно выпуски журнала «Русское слово» имеет в виду Достоевский. Дело в том, что после выхода январского номера 1866 года редакция получила третье по счету предостережение от министра внутренних дел. Выход журнала был приостановлен на пять месяцев, а после покушения Каракозова на жизнь Александра II и вовсе прекратился [Сборник сведений ... , 1867, с. 140; Варустин, 1965, т. 2, с. 150]. Можно допустить, что Достоевский имел в виду июльский и августовский номера журнала не за 1866, а за 1865 год. Например, в отделе «Политика» июльской книжки много внимания уделялось бесплодному, двуличному и реакционному курсу австрийского правительства. Отдел вел французский географ и анархист Элизе Реклю, писавший под псевдонимом Ж. Лефрень [Лефрень, 1865, с. 78–87].

Приведенный комментарий к процитированным выпискам Достоевского пока еще не полон и не прояснен в полной мере. Однако он дает право (по самым поздним статьям «Голоса») относить их к осени 1866 года. Достаточно ясным представляется интерес писателя к конфликту русинского и польского населения в Галиции, к языковым и этническим особенностям народов, в первую очередь русского населения Европы. В пользу именно этого предположения говорит и то, что еще в 1862 году братья Достоевские помещали в журнале «Время» статью Н. Н. Страхова «Заметки на одну газетную статью (по поводу польско-русинского вопроса)»⁵. Это был ответ на статью Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность» (Современник. 1861. № 7). В фокусе внимания Страхова конфликт сословного и национального начал: по мысли автора, сегрегация, а затем и стирание идентичности русских крестьян польскими шляхтичами позволяло веками поддерживать социальное неравенство на этих землях. В подтверждение своей мысли Страхов ссылается на тот факт, что местные крестьяне отторгали не только польских панов, но и ренегатов из числа ополячившихся русских дворян. Положение русских крестьян улучшилось после раздела Польши и перехода Галиции под контроль Австрии.

Но все-таки сословное начало было удержано, и польское дворянство в восточной Галиции продолжало на областных сеймах представлять собою русинский народ, тот народ, который отличается от него верою, языком, нравами, обычаями, общественными и политическими стремлениями, — всем строем своей жизни и вообще не имеет с ним ничего общего.

[Русин, 1862, с. 45–46]

⁵ Публикация атрибутирована: [Першкина, 2014, с. 161–162].

История Галиции, а равно этнонима «русин» и движения галицких русофилов, — одна из сложнейших тем в истории Восточной и Центральной Европы. По сей день она остается предметом ожесточенных публичных споров и политических спекуляций. Отметим лишь, что 1860-е годы были чрезвычайно важным периодом в истории русинской общности. Под влиянием Польского восстания 1863–1864 годов в Российской империи, административных реформ и нового подъема национальных движений в Австрии дискуссия об этнической принадлежности галичан вовлекла в себя множество участников и в целом вышла на новый уровень. Страсти подогревались как изнутри, благодаря тлеющей польско-русинской напряженности, так и снаружи, благодаря участившимся слухам о планах присоединения Восточной Галиции к России (см.: [Западные окраины, 2006, с. 280; Миллер, 2013, с. 226–232]. Большой резонанс в российской печати вызвало повторное назначение наместником Галиции графа Агенора Голуховского (1812–1875). Бывший министр иностранных дел Австрии, чьим главным достижением стал так называемый Октябрьский диплом 1860 года (ранний проект либерализации и федерализации Габсбургской империи), Голуховский был объявлен лицом колонизации Галичины. «Граф Голуховский, — писали «Отечественные записки» в ноябре 1866 года, — имеет свою весьма определенную репутацию; (...). Он, например, восточную Галицию не признает за Россию, для него все это Польша, и жители восточной Галиции не что иное, как поляки. Их желание иметь свою религию, литературу, говорить на своем языке, граф Голуховский, по видимому, признает только за шалость, за каприз» [Внутренняя политика, 1866, с. 30].

Газета «Русский инвалид» освещала ход дел в Галиции с завидной регулярностью. Симпатии издания были целиком на стороне русофильского движения, полосы газеты время от времени предоставлялись галицийским публицистам. Кроме того, сильной стороной газеты были подробные пересказы иноязычной периодики по актуальным политическим вопросам.

Среди публикаций «Инвалида» по галицийскому вопросу было немало таких, чье содержание подпадало под определение «игривенького сюжетца». Иначе говоря, они были посвящены либо нечистоплотной политике австрийского правительства, либо «польской интриге» в Галиции. В декабре 1866 года орган Министерства иностранных дел Российской империи «Journal de St.-Petersbourg» (издавался на французском языке) заверил читателей, что дипломатическим отношениям Вены и Петербурга в настоящее время ничто не угрожает. Редакция «Русского инвалида» отозвалась на это «весьма успокоительное известие» с долей скепсиса и иронии:

Из слов упомянутой нами заметки видно, что существуют партии, которым сильно хотелось бы поколебать это доброе согласие: читатели наши легко поймут, о каких партиях идет тут речь. Под партиями этими, вероятно, подразумеваются все те, которые явно отстаивают известные притязания бывшей Речи Посполитой (...). С своей стороны мы никогда не в состоянии были понять, какие побуждения могло бы иметь австрийское правительство потворствовать польским замыслам...

[Отдел неофициальный, 1866, с. 1–2]

4 декабря того же года «Инвалид» пересказывал инсинуации краковской газеты «Czas» (контролировалась консервативной партией «Станчики»):

...подробности на счет того, как в Галицию проникнул русский эмиссар Василий Иванов, имевший поручение волновать русинских крестьян; как на границах России хранятся склады табаку, долженствующие служить орудием политической пропаганде среди тех же крестьян; как русские рубли прельщают австрийских подданных, и проч.

[Курьезы польской прессы, 1866, с. 2]

К этим слухам прибавлялся слух о насильственном обращении католических крестьян в православие: солдат разжимал мужику зубы штыком, чтобы поп вложил ему в рот причастие. В ноябре газета освещала распространение слухов о скором вторжении в Галицию и о волнениях русинских студентов, добивавшихся права обучаться на своем родном языке. 26 октября газета коснулась биографии и личности графа Голуховского. Цитируя “Times”, она указывала, что в молодости будущий министр и наместник ускорил свою карьеру под покровительством графа Франца фон Штадиона (в принятой тогда транскрипции — фон Стадиона), занимавшего в 1847–1848 годах должность губернатора Галиции. Тогда, в период разгоравшегося Венгерского восстания и начинавшейся «Весны народов», Голуховский забыл о своем польском национализме, добросовестно проводя в жизнь политику Вены. Препятствуя революционным притязаниям польского дворянства, австрийская бюрократия в то время сделала кратковременную ставку на русинских крестьян⁶. Вернувшись из Вены в Лемберг, Голуховский кардинально поменял стиль и идеологию управления, побратавшись с теми, с кем раньше боролся. “Times” описывает демонстратив-

⁶ О роли, которую сыграла австрийская администрация в процессе «Закарпатского национального возрождения», а также о противостоянии польской и «русской» рады см., например, вступительную часть монографии: [Бахтурина, 2000, с. 24–25].

ную прогулку графа с польским инсургентом, которого в свое время сам же граф отправил за решетку⁷. Автор статьи при этом не сомневался, что Голуховский «в случае надобности завтра снова посадит его в тюрьму» [Что такое граф Голуховский?, 1866, с. 3]. 4 октября «Инвалид» перепечатал материалы сатирической галицко-русской газеты «Страхопуд», в частности пародийный проект реформирования «варварской России» в либеральном европейском духе. Проект включал в себя восстановление Польши в границах 1772 года, отказ от поддержки славян в Европе и христиан в Турции, отдачу половины российской казны в распоряжение западных стран, замену русской виселицы цивилизованной французской гильотиной, переименование Сибири в «Каэнну» и т. д. Большая часть номера от 16 сентября была отдана материалам в защиту галицких русинов и напоминанию о том, что именно русские крестьяне в 1849 году защитили австрийскую корону от взбунтовавшейся шляхты. Кроме того, газета поместила на своих страницах большую статью «Письмо из Львова», описывавшую горестное положение русской культуры на окраине Австрийской империи. Статья была подписана «Галичанин». За этим псевдонимом скрывался поэт, ученый, грекокатолический священник Яков Головацкий (1814–1888). Изначально принадлежа к украинофильскому крылу галицийского движения, Головацкий впоследствии перешел на русофильские позиции. В 1867 году Головацкий станет открытым врагом графа Голуховского, а затем и вовсе сложит с себя сан униатского священника и примет российское подданство. Безусловно, со стороны «Инвалида» предоставление трибуны такому авторитетному политику являлось серьезным обозначением позиции.

За отсутствием иной, более конкретной информации в записной тетради Достоевского вряд ли имеет смысл умножать эти примеры. В настоящей статье мы стремились лишь показать их идейный диапазон. Очевидно, за этой краткой записью скрывается самостоятельный и интригующий историко-литературный сюжет, воссоздание которого по косвенным уликам — дело будущего. На полях нашего разбора укажем на еще одну интересную сюжетную линию. В номерах «Русского инвалида» от 25, 26 и 27 октября 1866 года пересказывается история о мнимом покушении на жизнь императора Франца Иосифа в Праге. Проживавший в Праге англичанин Пальмер, бросив на мостовую игрушечный пистолет, схватил некоего Антона Пуста, безобидного человека, работавшего подмастерьем в театре. Замысел Пальмера состоял в том, чтобы оклеветать Пуста, представить себя спасителем Франца Иосифа, получить от

⁷ Вероятно, политик Флориан Земьялковский (1817–1900). За свою жизнь он дважды оказывался в тюрьме, один раз был приговорен к смертной казни, но помилован.

австрийского императорского дома крупную денежную сумму и разобраться с многочисленными долгами. Такой сюжет тоже вполне мог заинтересовать Достоевского. «Игривеньким» мог выглядеть в глазах писателя и тот политический курс, который предлагало Вене издание “Wiener Journal”. В отношениях с балканскими славянами оно рекомендовало Австрии избегать крайностей и отстаивать идею переучреждения Османской империи как системы вассальных государств, поскольку народы вроде сербов не способны стать полностью суверенными. Положения этой статьи «Русский инвалид» пересказывал в номере за 10 ноября 1866 года.

Отразилось ли чтение «Русского инвалида» на тексте «Преступления и наказания»? Как видим, многочисленные публикации, посвященные Австрии, в сущности, касались русско-польских отношений. Если искать какие-либо параллели в романе, стоит обратиться к его эпилогу. «В остроге были тоже ссыльные поляки, политические преступники. Те просто считали весь этот люд за невежд и хлопов и презирали их свысока; но Раскольников не мог так смотреть: он ясно видел, что эти невежды во многом гораздо умнее этих самых поляков» [Достоевский, 2013–... , т. 6, с. 469]. Вне всякого сомнения, при описании поляков на каторге Достоевский полагался и на собственные воспоминания (см.: [Тихомиров, 2005, с. 429]), но вместе с тем мы вправе предположить и некоторое влияние текущей периодики, переводившей межэтническое противостояние в Галиции в плоскость классового антагонизма. Сравним с упомянутой выше статьей Я. Ф. Головацкого, подводившего итоги польского доминирования в крае: «Состояние Галицкой Руси было очень плачевное; впрочем иначе и не могло быть после 400-летнего польского владычества. У нас не было уж ни своего дворянства, ни мещанства — остался только невежда “хлоп” и малообразованный поп» [Галичанин, 1866, с. 3].

Нельзя исключать и того, что библиографические заметки относились к какому-то обособленному публицистическому замыслу Достоевского. Тем интереснее будет продолжить нашу работу, шаг за шагом обследуя подобные темные места из записных тетрадей писателя.

Список источников

Баршт К. А. О дипломатической транскрипции записных тетрадей Ф. М. Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212.1.8 и 9; ОР РГБ. 93.1.1.4 и 5) // Текстологическое исследование записных тетрадей Ф. М. Достоевского к роману «Бесы»: дипломатическая транскрипция. СПб.: Наука, 2021. С. 5–32.

Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 263 с.

Варустин Л. Э. «Русское слово» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1965. Т. 2. С. 126–150.

Внутренняя политика // Отечественные записки. 1866. Ноябрь. Кн. 1. С. 26–39.

Галичанин [Головацкий Я. Ф.]. Письмо из Львова // Русский инвалид. 1866. № 236. 16 сентября.

Гливенко И. И. Предисловие // Из архива Ф. М. Достоевского. «Преступление и наказание». М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. С. 3–33.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 т. СПб.: Наука, 2013–...

Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

И.-Ж. [Кельсиев В. И.] Путешествие по Галиции. Перемышль. II // Голос. 1866. № 261. 21 сентября.

Иванов-Желудков В. П. [Кельсиев В. И.] Словацкие села под Пресбургом // Русский вестник. 1866. Т. LXIV, № 7. С. 5–29.

Иностранные известия // Русский инвалид. 1866. № 225. 3 сентября.

Комарович В. Л. Литературное наследство Достоевского за годы революции: Обзор публикаций 1917–1933 гг. // Литературное наследство. Т. 15. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 258–281.

Курьезы польской прессы // Русский инвалид. 1866. № 311. 4 декабря.

Лефрень Ж. [Реклю Э.] Политика // Русское слово. 1865. № 7. С. 77–104.

Миллер А. И. Украинский вопрос в Российской империи. К.: Laugus, 2013. 416 с.

Опульская Л. Д. История создания романа // *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание. М.: Изд-во «Наука», 1970. С. 681–715.

Отдел неофициальный // Русский инвалид. 1866. № 319. 13 декабря.

Першкина А. Н. Анонимные тексты в журнале «Время»: опыт атрибуции // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 1. С. 146–163.

Подрезов М. В. Идеиные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестн. Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170–176.

Подрезов М. В. Австрия Ф. М. Достоевского // Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского. Томск: Изд-во Томского государственного ун-та, 2021. С. 120–126.

Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981. 368 с.
Русин [Страхов Н. Н.]. Заметка на одну газетную статью (По поводу польско-русинского вопроса) // *Время*. 1862. № 9. С. 42–54.

Сборник сведений по книжно-литературному делу за 1866 год. Ч. 1–2. М.: А. Черенин, 1867. 21+217 с.

Соловьев Н. И. Язык как основа национальности. Статья вторая и последняя // *Отечественные записки*. 1866. № 3. С. 147–170.

Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон»: роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 468 с.

Углик Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского // *Toronto Slavic Quarterly*. 2011. № 37. Р. 136–149.

Фон-Фохт Н. Н. К биографии Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 49–60.

Что такое граф Голуховский? // *Русский инвалид*. 1866. № 273. 26 октября.

Архивы

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

References

Barsht, K. A. (2021) “O diplomaticheskoi transkriptsii zapisnykh tetradei F. M. Dostoevskogo (RGALI. F. 212.1.8 i 9; OR RGB. 93.1.1.4 i 5)” [“On the Diplomatic Transcription of F. M. Dostoevsky’s Notebooks (RGALI. F. 212.1.8 i 9; OR RGB. 93.1.1.4 i 5)”], in *Tekstologicheskoe issledovanie zapisnykh tetradei F. M. Dostoevskogo k romanu «Besy»: diplomaticheskaya transkriptsiya [Textological Study of F. M. Dostoevsky’s Notebooks for the Novel “Demons”: Diplomatic Transcription]*. St. Petersburg: Nauka, pp. 5–32.

Bakhturina, A. Yu. (2000) *Politika Rossiiskoi imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voiny [Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia During the First World War]*. Moscow: AIRO-XX.

Varustin, L. E. (1965) “«Russkoe slovo»” [“The Russian word”], in *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki. Tom 2 [Essays on the History of Russian Journalism and Criticism. Vol. 2]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 126–150.

“Vnutrennyaya politika” [“Domestic Policy”] (1866) *Otechestvennye Zapiski [Domestic Notes]*, November, Book 1, pp. 26–39.

Galichanin [Golovatskii, Ya. F.] (1866) “Pis'mo iz L'vova” [“Letter from Lviv”], *Russkii Invalid [The Russian Invalid]*, 236, 16 Nov.

Glivenko, I. I. (1931) “Predislovie” [“Preface”], in *Iz arkhiva F. M. Dostoevskogo. «Prestuplenie i nakazanie»* [From the Archive of F. M. Dostoevsky. “Crime and Punishment”]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, pp. 3–33.

Dostoevskii, F. M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 tomakh* [Complete Works: In 30 vols] (30 vols). Leningrad: Nauka.

Dostoevskii, F. M. (2013–) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 35 tomakh* [Complete Works and Letters: In 35 vols]. St. Petersburg: Nauka.

Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [Western Outskirts of the Russian Empire] (2006) Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

I.-Zh. [Kel'siev, V. I.] (1866) “Puteshestvie po Galitsii. Peremyshl'. II” [“Journey through Galicia. Przemysl. II”], *Golos* [Voice], 261, 21 Sept.

Ivanov-Zheludkov, V. P. [Kel'siev, V. I.] (1866) “Slovatskie sela pod Presburgom” [“Slovak Villages near Pressburg”], *Russkii Vestnik* [Russian Bulletin], LXIV(7), pp. 5–29.

“Inostrannye izvestiya” [“Foreign News”] (1866) *Russkii Invalid* [The Russian Invalid], 225, 3 Sept.

Komarovich, V. L. (1934) “Literaturnoe nasledstvo Dostoevskogo za gody revolyutsii: Obzor publikatsii 1917–1933 gg.” [“Dostoevsky's Literary Legacy During the Revolution: A Review of Publications from 1917 to 1933”], in *Literaturnoe nasledstvo. Tom 15* [Literary Legacy. Vol. 15]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, pp. 258–281.

“Kur'ezy pol'skoi pressy” [“Curiosities of the Polish Press”] (1866) *Russkii Invalid* [The Russian Invalid], 311, 4 Dec.

Lefren', Zh. [Reklyu, E.] (1865) “Politika” [“Politics”], *Russkoe Slovo* [Russian Word], 7, pp. 77–104.

Miller, A. I. (2013) *Ukrainskii vopros v Rossiiskoi imperii* [The Ukrainian Question in the Russian Empire]. Kiev: Laurus.

Opul'skaya, L. D. (1970) “Istoriya sozdaniya romana” [“The History of the Creation of the Novel”], in Dostoevskii, F. M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow: Nauka, pp. 681–715.

“Otdel neofitsial'nyi” [“Unofficial Department”] (1866) *Russkii Invalid* [The Russian Invalid], 319, 13 Dec.

Pershkina, A. N. (2014) “Anonimnye teksty v zhurnale «Vremya»: opyt atributsii” [“Anonymous Texts in the Magazine ‘Vremya’: An Attribution Experiment”], *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seria 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology], 1, pp. 146–163.

Podrezov, M. V. (2019) “Ideinye vozzreniya F. M. Dostoevskogo na mesto Pol'shi v Rossii i mire” [“Ideological Views of F. M. Dostoevsky on the Place of Poland in Russia

and the World”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [*Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*], 49, pp. 170–176.

Podrezov, M. V. (2021) “Avstriya F. M. Dostoevskogo” [“Dostoevsky’s Austria”], in *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo* [*F. M. Dostoevsky’s Geopolitical Map and Picture of the World*]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo un-ta, pp. 120–126.

Rozenblyum, L. M. (1981) *Tvorcheskie dnevniki Dostoevskogo* [*Dostoevsky’s Creative Diaries*]. Moscow: Nauka.

Rusin [Strakhov, N. N.] (1862) “Zametka na odnu gazetnuyu stat’yu (Po povodu pol’sko-rusinskogo voprosa)” [“Note on one Newspaper Article (On the Polish-Rusyn Question)”], *Vremya* [*Time*], 9, pp. 42–54.

Sbornik svedenii po knizhno-literaturnomu delu za 1866 god. Ch. 1–2 [*Collection of Information on Book and Literary Affairs for 1866. Part 1–2*] (1867) Moscow: A. Cherenin.

Solov’ev, N. I. (1866) “Yazyk kak osnova natsional’nosti. Stat’ya vtoraya i poslednyaya” [“Language as the Basis of Nationality. The Second and Last Article”], *Otechestvennye Zapiski* [*Domestic Notes*], 3, pp. 147–170.

Tikhomirov, B. N. (2005) «Lazar’! gryadi von»: roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarii [“Lazarus! Come Out”: F. M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in a Modern Reading: A Commentary Book]. St. Petersburg: Serebryanyi vek.

Uglik, Ya. (2011) “Obraz polyakov v romanakh i publitsistike F. M. Dostoevskogo” [“The Image of Poles in the Novels and Journalism of F. M. Dostoevsky”], *Toronto Slavic Quarterly*, 37, pp. 136–149.

Fon-Fokht, N. N. (1990) “K biografii F. M. Dostoevskogo” [“On the Biography of F. M. Dostoevsky”], *F. M. Dostoevskii v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 tomakh. Tom 2* [*F. M. Dostoevsky in the Memories of Contemporaries: In 2 Vols. Vol. 2*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 49–60.

“Chto takoe graf Golukhovskii?” [“What is Count Goluchowski?”] (1866) *Russkii Invalid* [*The Russian Invalid*], 273, 26 Oct.

Информация об авторе: Игорь Александрович Кравчук — независимый исследователь. Россия.

Information about the author: Igor A. Kravchuk — Independent Researcher. Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.12.2024;
принята к публикации 10.12.2024.

The article was submitted 08.11.2024;
approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 10.12.2024.